

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ, ПРАВОПОРЯДОК И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Сегодня является по существу общепризнанным, что государственная власть утверждает правопорядок в основном посредством такой *деятельности* по борьбе с преступностью, которая осуществляется непосредственно и главным образом правоохранительными органами. Вместе с тем, становится все более очевидным, что ставка в этом деле только на правовые и в особенности на уголовно-правовые меры дает сбои, не приводит к ожидаемому успеху, малоэффективна.

И дело здесь заключается не только в том, что правоохранительные органы в своей деятельности уделяют внимание не столько собственно охране важнейших ценностей жизни от преступных и иных посягательств, сколько привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении этих посягательств. Но еще и в том, что государственная власть, включая и ее правоохранительную составляющую, не уделяет должного внимания предупреждению преступлений, а главное – мерам, которые вообще исключали бы возможность совершения преступлений. Более того, все чаще обнаруживается, что и сами сотрудники правоохранительных органов втягиваются в совершение преступлений.

Отмеченное стало особенно заметным сейчас, когда расчет власти на то, что в борьбе с преступностью можно достичь успеха простым, быстрым и, в общем-то, сравнительно дешевым способом, не оправдался. Ведь по существу на всем протяжении советской истории, а в определенной мере и теперь данная борьба осуществляется, прежде всего, путем создания конфронтационной ситуации в беднейших слоях нашего населения, которые, как известно, продуцируют, с одной стороны преступность, а с другой – фронт борьбы с ней в виде деятельности милиции, разного рода охранных служб и т.д. На работу в

эти структуры идут в основном представители низших слоев общества, а именно люди, которые не находят себе места в других сферах деятельности.

Трудно подозревать власть в том, что она *специально* так поставила дело, чтобы дезорганизовать «бедноту» и тем самым не допустить ее противодействия (по крайней мере, широкомасштабного) власти. Реальная практика бытия со всей очевидностью показывает, что сознательно или бессознательно, вольно или невольно власть пытается максимально упростить себе задачу преодоления преступности, подчас не понимая того, что это не просто задача, а *сверзадача*, то есть задача, равной которой нет не только в искусстве (в том числе в известной системе Станиславского), но и в реальной жизни – жизни десятков миллионов людей, стремящихся к счастью.

Милиция, вместо последовательной, настойчивой и непримиримой борьбы с преступностью, сама все больше втягивается в совершение преступлений и на этой основе все активнее и инициативнее объединяется с традиционным криминалитетом, становится в этой борьбе по существу на сторону преступности и преступников и тем самым бросает свой дерзкий вызов власти, которую сама же и призвана представлять. При этом она, похоже, не понимает того, что бросает вызов не только власти, но и всей здоровой части общества, которая есть ни что иное, как цвет нации. Ее не тревожит то, что в стране есть силы, которые могли бы удержать ситуацию под контролем, выровнять ее и направить «ладью общественного развития» к берегу благоденствия и процветания.

Внешний признак тесного единения (по существу – «братания») милиции и традиционного криминалитета, в том числе на основе нередко и совместного совершения преступлений – в частности общий для той и другой категории беднейшего населения режущий слух «сленг», по существу тюремный жаргон, отборная матерщина, грубые манеры, интеллектуальная ограниченность, неряшливый внешний вид, помятые физиономии и т.д. Отдаленно все это напоминает бунт рабов Спартака, но... без участия самого Спартака. Нельзя

исключить того, что стоит появиться лидеру и может так случиться, что беде – не миновать.

Поэтому сама жизнь заставляет государственную власть искать сегодня новые пути решения все той же старой как мир проблемы – проблемы правопорядка, включать какие-то дополнительные резервы противодействия преступлениям и иным правонарушениям, опираться на средства, которых нет ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном, ни в уголовно-исполнительном, ни в каком-либо ином законодательстве, но без использования которых преступность, безусловно, будет и дальше укореняться, разрастаться, расцветать пышным цветом, а раскачиваемый ею правопорядок уже не сможет обеспечить сохранность и преумножение тех ценностей, которые в совокупности образуют современную Россию.

Мы же, юристы-аналитики, должны, наконец-то, прекратить своим большей частью маловразумительным «колупанием» в паутине правовых понятий и норм морочить головы друг другу (юристы-практики по этой причине давно уже перестали читать плоды наших так называемых научных изысканий), и со всей энергией взяться за дело, которое действительно может способствовать очищению земли русской от скверны преступности. Нужны выходы на какие-то совершенно новые орбиты мышления, поиску которых, собственно, и посвящена эта статья, не претендующая на «истину в последней инстанции», но ставящая вопросы, которые, как полагает автор, обязательно должны быть найдены.

Государственная власть для того и существует, чтобы в обществе был порядок. А так как власть утверждает порядок посредством, прежде всего, права, то порядок этот – это уже не просто порядок, а *правопорядок*. Но правопорядок – не незаконорожденное дитя порядка, а его реальный, логический, закономерный и, к тому же, весьма нужный и важный результат.

Вместе с тем, рассуждая о праве и правопорядке, нельзя не признать того, что то, что мы называем этими красивыми терминами, на самом деле таковыми не являются. Предметнее – о правопорядке. Любой порядок во

взаимоотношениях между людьми основывается не только и, пожалуй, не столько на праве (если, конечно же, речь не идет о предприятии, учреждении или тем более об не исправительной колонии), сколько на обычаях, традициях, нормах морали, нравственности. Называть правом порядком, например, общение между супругами, соседями, знакомыми, приятелями, друзьями, коллегами, их обмен мнениями и т.д. нельзя.

Совсем другое дело, когда мы переходим оживленную автотрассу, а тем более сами находимся за рулем транспортного средства, или покупаем в магазине какие-то товары, пользуемся общественным транспортом, трудимся в авторемонтном деле или на каком-либо ином участке производственной деятельности, где надо соблюдать не только обычные трудовые обязанности, но и еще и какие-то другие требования – например, правила техники безопасности, технические, технологические, санитарные, иные нормативы. Тут мы уже вступаем в сферу, подвластную праву, а следовательно, наше подчинение ему в соответствующей системе отношений придает последним характер *правопорядка*, то есть такого охраняемого правом порядка, в условиях которого важнейшие ценности жизни становятся не только неприкосновенными, но и еще более ценными, множатся, рожают новые ценности.

В том-то и состоят смысл и значение правопорядка, что он играет для общества по существу ту же роль, что и земля, вода, воздух, тепло и свет – для всего живого. Если не будет достаточно стабильного правопорядка, то все ценности жизни, в том числе те, которые в совокупности образуют Россию, пропадут, провалятся в тар-та-ра-ры, исчезнут с лица Земли, сотрутся из памяти живущих на ней людей. Этого допустить, конечно же, ни в коем случае нельзя.

Когда же правопорядок нарушается (кем-либо из его участников или извне, то есть другими лицами – физическими либо юридическими), право его восстанавливает – путем, во-первых, восстановления ущемленных прав участников нарушенного правопорядка, во-вторых, лишения нарушителя прав, самовольно им присвоенных в результате совершенного нарушения (правонарушения) и, в-третьих, наказания нарушителя – в целях

акцентирования его сознания и сознания других лиц на недопустимости совершения подобных нарушений (правонарушений).

Главное же, однако, заключается в том, чтобы не доводить дело до нарушений правопорядка – правонарушений. Чтобы таковых не было (или чтобы они, по крайней мере, были сведены к минимальнейшему минимуму), правопорядок нуждается, во-первых, в *обеспечении* – средствами оказания постоянной помощи участникам правопорядка (прежде всего, конечно же, советами, указаниями, наставлениями, иными сугубо «методическими» действиями, а если необходимо, то и средствами материальной либо иной социальной помощи – например, трудоустройством, предоставлением социального жилья и др.), во-вторых, в *поддержке* – средствами установления постоянного контроля над взаимоотношениями между участниками правопорядка (на предмет недопущения нарушений или если таковые все же совершаются, то и на предмет восстановления нарушенного правопорядка).

Так или иначе, но в современную эпоху – эпоху доминирования в жизни общества государства и права – правопорядок был и остается по существу *основным* фактором существования и организации жизнедеятельности шести с половиной миллиардов живущих ныне на Планете людей. Главным «монстром», разрушающим правопорядок является, конечно же, преступность. И основная причина того, что мы еще и сегодня, то есть спустя более двух тысяч лет после Христа и появления его бессмертного учения, по-настоящему не научились жить по-человечески (по крайней мере, во всех отношениях именно так), состоит в том, что государственная власть во все времена и у всех народов функционировала в условиях допустимости и распространенности преступности.

Единственная власть, ставившая перед собой задачу «искоренения преступности из жизни общества» и в определенной мере сумевшая ее решить, была низвергнута Ельциным в период его триумфального властвования – с октября по декабрь 1993 года. С тех пор преступность как бы вырвалась из

плена и уже сама вот уже в течение полутора десятилетий победно шествует по стране, утюжа ее, как говорится, вдоль и поперек.

Прав был новоявленный «Герострат» или не прав, покажет время – судить об этом пока преждевременно. Во всяком случае, все попытки вновь обуздать преступность достаточно жесткими средствами и методами, включая уголовную репрессию и мифические (в том числе кинематографические) похождения маршала Жукова в послевоенной Одессе, к сожалению (или, может быть, к счастью), не приводят к успеху. Идеальным средством покончить с преступностью (по крайней мере, с ее вездесущей вседозволенностью и беспределом) могло бы, на наш взгляд, стать, во-первых, устранение ужасающей бедности значительной части нашего населения, а во-вторых, укрепление позиций правоохранительных органов. Однако ни того, ни другого государственная власть сегодня пока не может себе позволить. Для этого у нее нет ни средств, ни знаний, ни достаточно сильной политической воли. Денег нет потому, что значительную их часть «съедают» чиновники, олигархи и *элитные* силовые ведомства, охраняющие в основном саму же власть, знаний нет – потому что ученые-юристы все еще не ориентированы на задачу преодоления преступности, а соответствующая политическая воля отсутствует в силу опасений того, что усиление позиций правоохранительных органов может привести к конфронтации их с основной властью – не правоохранительной, а общей компетенции.

Вот почему главным направлением решения проблемы государственной власти, правопорядка и борьбы с преступностью должна стать не *непосредственная* «работа с людьми», а «работа с людьми» посредством работы с окружающими их обстоятельствами, а именно работа с обстоятельствами эстетического, рационалистического и ориентирующего характера. Сам по себе правопорядок есть ничто, если в его основе нет порядка эстетического, рационалистического и ориентирующего.

Смысл сказанного состоит в том, что если все окружение человека достаточно строго выдержано в эстетическом, рациональном и ориентирующем

отношении, то человек, скорее всего, не будет нарушать действующие в обществе законы. И, напротив, если человек живет в окружении, далеком от представлений людей об эстетике, рациональности и вне достаточно четко установленных ориентиров, то конфликтов с законом избежать ему весьма трудно, если вообще возможно.

Сведения об авторе: Панченко Павел Николаевич, зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса Нижегородского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН, член Российской криминологической ассоциации, руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижегородский филиал Государственного университета – Высшая школа экономики, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.

Рабочий телефон: 8-(831-2)-16-95-35. Электронный адрес: panvest@mail.ru Домашний адрес (для корреспонденции): 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293. Домашний адрес как таковой: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корпус 5, квартира 67. Домашний телефон: 8-(831-2)-58-81-29. Моб. тел. 8-910-108-0-171.